

**Гитлеровский оккупационный режим и
Русская Православная Церковь на Кубани
(1942-1943 гг.)¹**

В настоящее время тиражируется мнение о том, что гитлеровский нацизм нес русскому народу, в том числе и кубанцам, религиозную свободу. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Предпринимая нападение на СССР, нацисты рассчитывали на активное использование религиозных чувств русского народа в достижении успеха своей политики на оккупированных территориях.

В приложении к указу шефа Верховного командования вермахта (ОКВ) Кейтеля от 19 мая 1941 г. говорилось следующее: «Большая часть русского населения, особенно обнищавшее от большевистской системы сельское население, внутренне отрицательно относится к большевизму. В небольшевистских русских людях национальное сознание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность за освобождение от большевизма часто будут находить выражение в церковной форме. Не следует препятствовать или мешать благодарственным богослужениям или процессиям» [1].

Справедливости ради, следует отметить, что к началу войны подавляющее большинство краев и областей СССР (а ведь среди сельского населения 2/3 являлись верующими) оказалось практически без действующих храмов, как это было на Кубани, где накануне войны действовало всего 7 православных приходов, причем четыре из них представляли собой обновленческую ересь, и только три, подчинялись Московскому Патриархату. Такое положение могло поддерживаться исключительно жесткими, репрессивными мерами, поэтому неудивительно, что на оккупированной территории произошел бурный всплеск религиозного сознания: «религиозное пробуждение было общим, массовым и стихийным. Народ, как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их временный ремонт и украшение» [2].

¹ Статья опубликована в материалах международной научно-практической конференции «Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего». Краснодар. 2011. Науч. ред., сост. Э.Г. Вартамян, д.и.н., профессор; О.В. Матвеев, д.и.н., профессор. С. 147-151.

В этих условиях естественным было проявление со стороны верующих чувства благодарности германским войскам, и первоначально часть населения действительно выражала это чувство. Но это происходило лишь в первые дни или недели, а затем становилось ясно, какую именно «свободу» нес народам СССР «новый порядок». По свидетельству очевидца, в ответ на приветствия части населения, один офицер вермахта честно сказал: «Погодите радоваться. За нами идут части СС, и тогда вы поймете, что мы никакие не освободители» [3].

Добавить к сказанному можно и то, что уже 16 августа 1941 г. вышел «оперативный приказ № 10», об отношении к церковному вопросу на занятых территориях Советского Союза, в котором, между прочим, говорилось: «*О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви, не может быть и речи* [курсив автора]. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого оформленного организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, напротив желательно. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве...» [4].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на внешне лояльное отношение к Русской Православной Церкви, а также пропаганду ее защиты от безбожной большевистской власти, в основе церковной политики германского Рейха лежало стремление максимально раздробить православную организацию в СССР на отдельные течения и конфессии, во избежание ее возможной консолидации на русских национальных началах, принципиально враждебных не только оккультно-языческой идеологии нацизма, но и его стремлению к мировому господству. Не следует, также, забывать, что Гитлер и его режим, установленный на временно оккупированной территории Советского Союза, являлись врагом не только Православной церкви, но и всего восточно-славянского мира, который нацисты, в соответствии со своей расовой теорией, признавали неполноценным, и если бы нацизм все же победил, то у нас, в конечном итоге, не было бы ни Церкви, ни Родины.

Гитлеровское командование, в том числе и глава Рейхминистерства занятых восточных территорий Альфред Розенберг, понимали, что Русская Православная церковь является носителем великорусской имперской идеи [5], и что ее возрождение и укрепление враждебно для нацистской Германии, однако этот факт не мешал нацистам эксплуатировать религиозную тему в своей идеологической работе и во всеуслышанье заявлять, что новый режим несет народам СССР религиозную свободу. При этом настойчиво «ре-

комендовалось» в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства по отношению к Адольфу Гитлеру и третьему рейху. Духовенство заставляли участвовать в праздновании годовщины начала войны; активно распространялась листовка-молитва: *«Адольф Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да придет третья империя твоя. И да осуществиться воля твоя на земле...»* [6].

В пропагандистских же целях совершались и провокации, имевшие целью вызвать ненависть населения к советскому правительству и советской армии. Пример такой провокации произошел в г. Новороссийске. Ранним утром 25 апреля 1943 года, в первый день Пасхи, во время богослужения был произведен артиллерийский обстрел двух городских церквей Кладбищенской и Стандартской (Во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радосте», расположенной на «Стандарте»). По сообщениям очевидцев, в Кладбищенской церкви снаряд пробил купол, упал в Царские Врата и тяжело ранил священника. Люди, охваченные ужасом, рвались к выходу, давили и душили друг друга, а когда выбегали из церкви во двор, то попадали под град осколков. Всего в это утро по одной лишь Кладбищенской церкви было убито и ранено более сорока человек. Незадолго перед началом обстрела очевидцы видели у входа в церковь двух гитлеровцев. После начала обстрела они посмотрели на часы и поспешно удалились. Очевидец Водичко сообщила по этому поводу следующие соображения: «Разрывы снарядов русской артиллерии имеют своеобразие шума, точно также это своеобразие имеют и немецкие снаряды, как при падении, так и при разрыве. Мы, новороссийцы, достаточно научились отличать русские снаряды от немецких. Когда начался обстрел, я, еще ничего не зная, заявила своему отцу Водичко Вячеславу Иосифовичу о том, что по городу стреляют немцы. Церковь получила большие повреждения с юго-западной стороны, а с этого направления русские не стреляли. Стрельба русскими велась со стороны Кабардинки и, как правило, из дальнобойных орудий.

Трудно поверить, чтобы советским артиллеристам было известно точное время сбора населения в церковь. Если это и было так, то они не могли не знать, когда сами немцы справляли этот праздник. Между тем они этот праздник встречали только в субботу под воскресенье, а в момент сбора горожан в церквях ни одного немца там не было. Их не было даже и поблизости от расположения церквей». А вот что по этому поводу сообщила очевидец Капустина: «Первое – разрывавшиеся во дворе церкви снаряды были малого калибра, какими советские войска обычно по городу не стреляли; второе – разрывы снаря-

дов происходили почти одновременно с выстрелами, что указывало на короткое расстояние от места выстрелов до падения снарядов; третье – стрельба по церкви производилась с трех сторон города: восточной, южной и юго-западной, чего обычно до этого случая не наблюдалось при обстреле советской артиллерии». Известно также, что гитлеровцы по этому поводу выпустили специальные листовки и статьи в газетах «Утро Кавказа», «Над Кубанью» и др., пытаясь привить у горожан ненависть к советским войнам, называя их безбожниками, душегубами и варварами [7].

Вообще, говоря о «религиозной свободе», которую якобы несли гитлеровцы русскому народу, нелишним будет вспомнить и то, как оккупационные власти пытались вмешиваться в ход проведения богослужений, как они, подобно действиям советских властей в 1920-е годы, пытались ввести новый (григорианский) стиль, что вызывало активное сопротивление верующих, как органы германской контрразведки нередко пытались использовать в своих целях православное духовенство, хотя желаемого результата это не принесло. Однако по-настоящему обнажилось лицо гитлеровского нацизма и открылось его истинное отношение к Православной церкви перед отступлением из оккупированных областей, вот тут-то и началось массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до снятия колоколов, депортация и убийство священнослужителей, осквернение святынь.

В отчете председателя Краснодарской краевой Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников П.И. Селезнева (1897-1949) от 25.05.1944 имеются следующие сведения:

«В селе Калинино Пашковского района церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы гитлеровцы превратили в баз, т.е. загонный двор для лошадей; в селе Белом Усть-Лабинского района церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы была превращена в конюшню, загажена и разрушена; в городе Анапе Онуфриевский собор служил складом для боеприпасов, а затем, незадолго до бегства гитлеровцев с Кубани, - баракком для разно-больных военнопленных; в станице Белореченской молитвенный дом во имя Успения Пресвятой Богородицы в праздник Рождества Христова был превращен в кинотеатр, и когда верующие пришли к богослужению, то увидели свой храм оскверненным пьяными солдатами, которые к тому же танцевали и курили.

В станице Гостагаевской церковь превратили в кинотеатр, а затем в склад боеприпасов. Отступая, немцы хотели сжечь храм, но были лишены этой возможности из-за налета советской авиации. В хуторе Тиховском Ильинский молитвенный дом немцы совершенно

разграбили: вывезли церковные ценности (чаши, облачения, ковры) и прочее имущество, глумились над иконами: стреляли в изображения святых, рубили их шашками и жгли. В станице Ивановской одноименного района церковь превратили в застенок гестапо, где убивали военнопленных и мирных граждан, о чем свидетельствовали трупы расстрелянных и замученных людей. В станице Сергиевской Гиагинского района Покровский молитвенный дом превратили в тюрьму для пересыльных военнопленных. И этот перечень фактов далеко не полон. В целом, материальный ущерб, нанесенный православной церкви в Краснодарском крае, составил 15 миллионов рублей» [8].

За что же мстили гитлеровцы Русской церкви? За то, что открывавшиеся храмы превращались в центры пробуждения русского национального самосознания и глубоких патриотических чувств, способствовали возрождению русской идеи, чуждой человеконенавистнической идеологии нацизма.

Примечания:

1. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург, 2005. С. 140.
2. Записки миссионера о жизни в советской России // Вестник РХД. 1956. № 40. С. 35.
3. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 144.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 62-65 // Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 140.
5. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 150.
6. Сергей (Ларин), епископ. Православие и гитлеризм. Одесса, 1946-1947 . Рукопись. С. 23. // Михаил Шкаровский. Церковь зовет к защите Родины. С. 155.
7. ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (далее ГАКК.) Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 230-232.
8. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 7-9.

Бабич Александр Владимирович, главный специалист ГУ «Государственный архив Краснодарского края», г. Краснодар, ул. Янковского, 68, кв. 11, 8-918-49-19-139.